

политика

А.А.Галкин

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

¹ В основу статьи положен доклад на Ежегодной научной сессии в Институте социологии РАН (9.04.2008). В статье использованы материалы исследовательского проекта РГНФ № 07 03 00074а.

Официально инспирируемый оптимизм не в силах заглушить накопившейся в обществе тревоги за будущее России. Развеять ее может лишь бóльшая определенность в отношении стратегического курса власти, ее способности обеспечить решение встающих перед страной проблем.

Многие из этих проблем возникли в ходе предшествующего развития. Наиболее существенными из них представляются:

- однобокость промышленного развития, устаревание основного капитала, растущие дисбалансы, прежде всего катастрофическое отставание энергетической, транспортной и ремонтной инфраструктур, набирающая силу инфляция;
- надвигающаяся демографическая катастрофа, массовая бедность, высокий уровень социального неравенства, неэффективность системы социальной помощи, фактическое лишение многих групп граждан доступа к образованию;
- все более явное падение общего интеллектуального уровня в стране, постепенное «одичание» молодых поколений, разрушение сложившейся образовательной системы, нарастающая коммерциализация культуры².

Вместе с тем российскому обществу предстоит столкнуться с множеством новых проблем, обусловленных как его собственным, так и общемировым развитием.

Россия уже настолько инкорпорирована в мировое хозяйство, что ей не удастся отгородиться от стоящих перед ним вызовов. Некоторые из них уже хорошо известны, как, например, угрозы, связанные с обостряющимся конфликтом между человеком и окружающей средой и кризисом сложившегося миропорядка (который сегодня все чаще не без оснований именуют «миробеспорядком»), другие только начинают ощущаться и осмысливаться.

В первую очередь речь идет об исчерпанности неоконсервативной модели развития, утвердившейся в мире в последней трети XX в. На протяжении нескольких десятилетий эта модель, несмотря на все приусыния, приносила более или менее позитивные результаты. Однако с наступлением нового столетия она стала давать очевидные сбои.

Хотя обсуждение причин такого поворота событий выходит за рамки настоящей статьи, на одной из них все же стоит остановиться. Прогрессирующая глобализация и ускорившийся технологический прогресс привели к заметному усложнению структуры мирового хозяйства

² См. О России 2008, гл. 4, 5.

и всей мировой системы. Отсюда возрастающая потребность в поступающих извне упорядочивающих импульсах, ибо, как известно, чем сложнее система, тем проблематичнее ее самонастройка. Между тем неоконсервативная модель всегда покоилась (и покоится) на принципиальном отрицании необходимости подобного рода импульсов как негативно влияющих на естественные экономические процессы.

Это несоответствие теоретических постулатов объективно складывающимся потребностям нашло выражение во все более заметном отрыве мировой финансовой системы от реального производства, ошутимом изменении вектора денежных и товарных потоков вследствие появления новых доминирующих сил, наметившихся пределах платежеспособного спроса и т.д. К этому добавилось такое немаловажное обстоятельство, как сокращение запасов, а значит, и возможности потребления природных, прежде всего энергетических, ресурсов.

Симптомами истощения неоконсервативной модели стали серьезные трудности, которые испытывает сегодня международная финансовая система, а также четко обозначившиеся признаки всеобщей рецессии. Пока о конкретных последствиях развития данной тенденции судить трудно. Однако ее углубление не вызывает сомнений.

В еще большей степени истощила себя экономическая модель, действующая в России. Отсутствие сколько-нибудь значимых усилий, направленных на использование благоприятной для экспортеров сырья конъюнктуры для выхода на передовые позиции в сфере современного производства, обусловило отставание страны не только от традиционных мировых лидеров, но и от новых экономических гигантов — Китая и Индии. О неэффективности этой модели и необходимости ее смены заговорили даже высшие руководители РФ.

Не случайно в последние годы в моду стало входить уже утвердившееся за пределами страны³ понятие *инновационного развития*⁴. Начали возникать именуемые себя инновационными ассоциации и венчурные фонды. Соответствующую активность имитируют и органы власти⁵. Следуя призыву верхов, многие города и области поспешно составляют собственные планы инновационной политики в различных сферах народного хозяйства. При этом инновационное развитие, как правило, трактуется как более интенсивное, чем прежде, внедрение современных научных разработок в промышленное производство и его организационные структуры⁶.

Нисколько не умаляя значения широкого внедрения в практику новейших технологий и методов организации производства, нельзя не указать на серьезные изъяны подобного подхода к проблеме. Сводя инновационное развитие к безусловно необходимому обновлению основного капитала и активному применению в производственном процессе результатов научных изысканий, мы лишаем данную идею присущего ей новаторского содержания. Ведь сами по себе инновации всегда играли ключевую роль в развитии человеческого сообщества. Инновацией было умение добывать огонь, изобретение колеса, выплавка металлов

³ См. Серебрянников 2007.

⁴ См., напр. Послание 2007.

⁵ Шпорт б.г.

⁶ См. Трифилова 2003; Гурков 2003; Васильев 2005; Фоломьев 2005; Такер 2006; Друкер 2007; Гальперин, Кеневич 2007 и др.

и т.д. и т.п. Инновации определяли содержание первой и второй промышленных революций, а также научно-технической революции второй половины XX в.

В этой ситуации неизбежно напрашивается вопрос, не служит ли отождествление инновационного развития с нормальным обновлением средств и технологических основ промышленного производства лишь способом отвлечь внимание общественности от потребности в действительно качественном рывке, способном обеспечить дорогу в будущее.

Более обоснованным представляется принципиально иной подход к инновационному развитию. Оно получит реальное наполнение лишь в том случае, если будет рассматриваться как процесс формирования специфической инновационной экономики, развертывающийся по трем взаимозависимым направлениям: (1) подготовка технологических, экономических, социальных и политических предпосылок для предстоящего инновационного рывка; (2) кардинальная модернизация уже существующего материального производства; (3) создание принципиально новых, инновационных сфер деятельности.

Вопреки некоторым наивным представлениям, формирование такой экономики вовсе не равнозначно смене всего экономического уклада. Как свидетельствует предшествующий опыт, оно, скорее всего, приведет к возникновению дополнительного, высокотехнологичного, «этажа», действующего в органической связи с остальными и оказывающего на них постоянно усиливающееся воздействие.

В целом, однако, речь идет, безусловно, о рывке вперед.

Является ли подобный рывок объективно назревшим? Для положительного ответа на это вопрос есть достаточно оснований.

Во-первых, для позитивного решения целого ряда глобальных проблем, вставших перед человечеством во второй половине XX — начале XXI в., требуются знания и умения значительно более высокого уровня, нежели те, которыми располагает общество на сегодняшний день.

Во-вторых, многие передовые страны, страдающие от прогрессирующего старения населения и наплыва мигрантов из регионов с иной культурой и массовой ментальностью, жизненно заинтересованы в многократном повышении производительности труда автохтонной рабочей силы.

В-третьих, с появлением новых центров современного индустриального развития, обладающих таким бесспорным конкурентным преимуществом, как дешевая рабочая сила, причем не только простая, но и квалифицированная, традиционные страны-лидеры могут сохранить свои позиции лишь при условии инновационного рывка, поднимающего их производство на уровень, недостижимый, во всяком случае — пока, для «новых индустриальных тигров».

Для реализации скачка имеются и немалые объективные предпосылки. Это и накопленные человечеством новые знания, пока не нашедшие применения в производственном процессе; и наличие мощной

научно-производственной инфраструктуры, способной обеспечить незамедлительное практическое воплощение научных идей и выводов; и разветвленная система подготовки кадров, достаточно гибкая, чтобы в кратчайшие сроки подготовить высококвалифицированную рабочую силу того типа, который понадобится для осуществления соответствующего экономического маневра, и, наконец, еще не утраченная государственной властью возможность мобилизовать капиталы, необходимые для перехода к инновационному развитию.

Из всего этого с очевидностью вытекает, что инновационное развитие в предложенном выше понимании есть «категорический императив» для стран, ориентированных на сохранение и упрочение своего положения в мировом сообществе. Не встать на этот путь — значит не просто отстать, но оказаться отброшенным на маргинальные позиции и застрять на них надолго, если не навсегда. Это относится ко всем странам, но к России в первую очередь.

Поворот к такому типу развития будет нелегко: он потребует и времени, и сил.

Массовое промышленное производство, характерное для нынешнего этапа экономического развития, инерционно по своей сути. Для его коренной переналадки понадобятся немалые усилия и материальные затраты. Потому новации, сопряженные с такой переналадкой, с высокой степенью вероятности вызовут ожесточенное сопротивление со стороны влиятельных экономических и политических групп. Отсюда необходимость создания на государственном уровне рычагов и стимулов, способных преодолеть указанную инерционность, не подвергая излишним потрясениям производство и общественную систему в целом, что, в свою очередь, связано с внесением серьезных коррективов в организацию управления экономическими процессами и, главное, в систему льгот и иных поощрений.

В пересмотре нуждается и нынешняя структура информационных сетей. Инновационное развитие предполагает максимально свободный доступ к информации, а следовательно, ликвидацию всех барьеров, затрудняющих ее получение.

Инновационный поворот невозможен без существенного возрастания роли институтов, реализующих совокупный интерес общества, без четкого определения набора поставленных целей и способов их реализации. Иными словами, придется вновь обратиться к столь осмеянному в последние десятилетия индикативному планированию.

Конечно, институты, отражающие групповые интересы, могут внести свой вклад в движение по этому пути. Однако конечная разработка соответствующих проектов должна осуществляться на общегосударственном уровне. Не случайно в тех странах, где инновационное развитие уже стало или, по меньшей мере, становится важным направлением политики, выработкой его принципов (в том числе описанием конкретных целей и этапов продвижения к ним), определением состава участников различных проектов и субпроектов, масштабов и форм их

⁷ См.
Циренчиков 2007;
Соколов 2007.

финансирования и т.д. занимаются институты, контролируемые государством либо связанные с ним договорными отношениями⁷.

Поскольку инвестиции в инновационное развитие носят, как правило, рисковый характер, рассчитывать на особый интерес к ним со стороны частного капитала (во всяком случае на первоначальных этапах) не приходится. В связи с этим переход к такому развитию потребует активного участия в финансировании инноваций государственного или гарантированного государством капитала. При достаточно большом объеме подобных инноваций это приведет к заметному изменению направленности финансовых потоков.

Переход к инновационному развитию сделает неизбежным принципиальное изменение отношений между наукой и государством. Наука должна не только превратиться в прямую производительную силу, но и стать важнейшим рычагом реализации стратегии государства в области общественного производства. В какой-то степени она будет продолжать выполнять заказы, отражающие групповые интересы. Однако ее основным партнером и, соответственно, заказчиком станет государство.

При этом взаимодействие государственных органов и науки не может строиться в парадигме «хозяин — слуга», как того добивались и до сих пор добиваются российские чиновники, поставленные руководить наукой. Речь идет о равноправном сотрудничестве, при котором не только государство ставит задачи перед наукой, но и наука ставит их перед государством, что невозможно без психологической перестройки сознания тех, кто заправляет в управленческих структурах.

В случае России решение перечисленных выше задач дополнительно усложняется тем, что в результате деиндустриализации 1990-х годов ее экономика оказалась отброшена на уровень, лишь немногим превышающий тот, что характерен для стадии первичной индустриализации. Для того чтобы всерьез перейти к инновационному развитию, ей нужно не просто решить всю совокупность сложнейших проблем, доставшихся от недавнего прошлого, но и совершить исторический скачок через несколько стадий.

Инновационное развитие неизбежно потребует более интенсивного включения российской экономики в мировую экономическую систему. Очередным шагом на этом пути, видимо, станет вступление страны во Всемирную торговую организацию. Между тем основные отрасли отечественной промышленности пока не созрели для такого шага. Его непосредственным результатом может оказаться коллапс большинства нормально функционирующих российских предприятий, которые не смогут выдержать конкуренции с потоками зарубежной продукции.

Полное открытие рынков сделает Россию в еще большей степени уязвимой по отношению к кризисным процессам, от которых страдает сегодня мировая экономика (финансовая неустойчивость, потрясения на рынках труда, делокализация производства и др.). Неминуемое в этих условиях подтягивание внутренних цен на энергетическое сырье к

общемировым приведет к дальнейшему усилению инфляции и, тем самым, к резкому снижению уровня жизни значительной части населения.

Серьезным препятствием на пути перехода России к инновационному развитию может стать дефицит высококвалифицированной рабочей силы. Этот дефицит, уже фиксируемый в ключевых отраслях производства, скорее всего, будет возрастать ввиду все более критического отношения подрастающих поколений к образованию как таковому и очевидного разложения системы среднего и высшего образования.

Не меньшим тормозом может оказаться ситуация, сложившаяся в научной сфере. Униженное состояние, в котором пребывала отечественная наука в последние годы, уронило ее престиж в глазах молодежи. Талантливые молодые люди не очень охотно вступают на научное поприще. В результате научное сообщество катастрофически стареет. Если ситуация не будет изменена, мы можем спустя десятилетие остаться вообще без науки. О каком инновационном развитии, на которое возлагают сегодня такие надежды, можно будет вести тогда речь?

Разумеется, все перечисленные проблемы поддаются решению — но только в том случае, если в процесс будет органически включено то, что можно назвать политическим фактором.

Для эффективного политического стимулирования инновационного развития необходимы:

- политическая воля высших эшелонов власти;
- активное участие в реализации этой воли ядра властвующей элиты;
- отлаженные управленческие инструменты решения поставленных задач;
- готовность значительной части населения включиться в осуществление преобразований или, по меньшей мере, не препятствовать им.

Отсутствие хотя бы одной из этих предпосылок либо сделает достижение поставленных целей практически невозможным, либо потребует введения жесткого мобилизационного режима. Между тем, как свидетельствует недавнее прошлое, «кнут» очень плохо сочетается с подлинными инновациями.

Имеются ли у нынешней России резервы, которые помогли бы создать условия, необходимые для успешного инновационного развития? Окончательный ответ на этот вопрос дать пока трудно. Можно лишь высказать некоторые сугубо предварительные предположения, как о возможных препятствиях, так и о тех усилиях, которые предстоит приложить, чтобы сдвинуться в заданном направлении.

Начнем с оценки *политической воли* высшего руководства. Как уже отмечалось, на вербальном уровне она присутствует. Однако ни для кого не секрет, что в политике вербальные установки нередко существенно отличаются от реальных.

Но, даже приняв за аксиому наличие реальной политической воли, нельзя не учитывать внутреннюю неоднозначность самого этого феномена. Чтобы привести к желаемому результату, политическая воля руководства должна опираться на адекватное представление об

исходной ситуации и потенциальных последствиях управленческих решений на каждом этапе продвижения к намеченной цели. В противном случае реализация такой воли может обернуться обычной авантюрой. В свою очередь, адекватное представление об исходной ситуации и потенциальных последствиях принимаемых решений в критической степени зависит от наличия эффективной обратной связи, не искаженной промежуточными отклоняющими воздействиями.

Системой эффективной обратной связи современная Россия пока не располагает. Сложившаяся в стране практика поддакивания и «облизывания» власти лишает российское руководство возможности адекватно оценивать реальную ситуацию и тенденции ее развития. Опасность подобной практики сегодня начинает осознаваться на самом высоком уровне. Но чтобы положить ей конец, недостаточно общих призывов.

Немало сомнений вызывает готовность *правлящей элиты* активно включиться в реализацию курса на инновационное развитие. И такие сомнения возникают не на пустом месте. Об их обоснованности свидетельствуют как особенности становления этой элиты, так и ее установки⁸.

Основное ядро российской политической элиты сейчас заинтересовано прежде всего в сохранении и упрочении имущественных и властных позиций, приобретенных в 1990-е и последующие годы. Это находит отражение в его устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую исключительно как неизменность сложившихся отношений власти и собственности. Соответственно, любые перемены, пусть даже сулящие в перспективе позитивные результаты, обычно встречаются в штыки. Иногда это выливается в активное противостояние, но чаще всего принимает форму пассивного саботажа.

Поскольку курс на инновационное развитие неизбежно потребует не только технологическо-производственных новаций, но и модернизации социальных и политических институтов, отношение ядра *правлящей элиты* к такому развитию будет, судя по всему, сугубо негативным.

Плохо приспособлены для осуществления данного курса и *управленческие институты*.

Происходившее на протяжении ряда лет выстраивание вертикали власти породило у части публики представление, что в стране, наконец, создана эффективная система реализации властных решений. Однако это представление во многом иллюзорно. Новые управленческие структуры, как признают сами их руководители, «коррупционированы» и «не мотивированы на положительные изменения, не говоря уже о каком-то динамическом развитии». И это вовсе не результат отдельных недоработок, а закономерность.

Любая чрезмерно централизованная система управления, замкнутая на руководящую личность или небольшую группу руководителей, неизбежно приобретает все характерные для авторитарных режимов изъяны, которые сводят на нет действительные и гипотетические преимущества строго иерархизированной властной вертикали. Как правило, такие системы быстро теряют свою первоначальную эффективность.

⁸ См. Крыштановская 2005; Гаман-Голутвина 2006.

Решение проблем становится мнимым и влечет за собой возникновение новых, еще более сложных, нежели те, от которых вроде бы удалось избавиться.

В основе данной закономерности лежит целый ряд объективных причин.

Существуют физические пределы, ограничивающие круг проблем, которые способен осмыслить и оценить один человек (или небольшая группа людей). К тому же принимаемые им решения неизбежно деформируются под воздействием придворных интриг. Дефицит адекватной информации о реакции общества резко снижает возможность внесения корректив в уже принятые решения.

Наличие жесткой вертикали власти делает процесс принятия решений громоздким и неповоротливым. Сохраняя способность решать рутинные проблемы, система страшится новых проблем, теряется перед ними.

На каждом отрезке властной иерархии неминуемо возникают отклоняющие «шумы», вызываемые индивидуальными или групповыми интересами, нередко не совпадающими с интересами высшей власти. В критических ситуациях такие «шумы» оказываются настолько сильными, что содержание исходного импульса исчезает уже на верхних ступенях иерархической лестницы. Преодоление отклоняющих «шумов» создает потребность в огромном числе контролеров, что влечет за собой трудно регулируемое разбухание бюрократического аппарата. Чаще всего контролеры сами попадают под воздействие «шумов», что порождает «дурную бесконечность» контроля над контролерами. Все это образует питательную среду для роста коррупции, парализующей механизмы государственного управления.

Ахиллесовой пятой жесткой властной вертикали является кадровая селекция. Определяющее значение при подборе и выдвижении работников здесь приобретают не профессионализм и квалификация, не способности и нравственные качества, а личная преданность, угодливость и беспрекословная исполнительность. Принципиальным и самостоятельным людям места в управленческой системе не остается. Резко сокращается мобильность кадров, происходит своего рода закупорка сосудов органов управления⁹.

Из всего этого следует, что, добиваясь необходимого для инновационного развития коренного преобразования управленческих институтов, нельзя ограничиться чисто административными мерами, пусть самыми радикальными. Требуется решительная демократизация всей системы власти.

Попробуем теперь оценить позицию *населения* — его готовность (или неготовность) принять предлагаемую верхами программу инновационного развития и включиться в ее осуществление. Способны ли обещания благополучного будущего, которое связывается, в частности, с реализацией этой программы, пробить завесу разочарования, скептицизма и отчуждения, все еще отделяющую значительную часть общества

⁹ См. *О России 2008: 202 и сл.*

от административного аппарата и власти в целом? Ответ на этот вопрос будет, скорее всего, отрицательным.

Являясь продуктом индивидуального и группового опыта, накопленного столетиями, массовое сознание как фактор, определяющий бытовое и общественное поведение людей, представляет собой своеобразную квазифизическую субстанцию, обладающую теми же свойствами, что и физические тела: сложной структурой, упругостью и инерционностью.

Глубоко ошибаются как те, кто считает такое сознание инвариантом, так и те, кто видит в нем нечто вроде пластилина, из которого можно по усмотрению вылепить любую фигуру. В качестве продукта исторического опыта оно, пусть с опозданием, впитывает новую информацию, перерабатывая ее в соответствии со сложившимися канонами. Вместе с тем оно активно сопротивляется всяким попыткам грубого внешнего вмешательства. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее давление, тем мощнее отдача. Игнорировать это — значит обресть на неудачу любые, в том числе разумные, планы.

При всех колебаниях, обусловленных конъюнктурными воздействиями, в массовом сознании населения России существует глубокий пласт предпочтений и ожиданий, отражающих особенности пройденного страной пути. На формирование этих предпочтений и ожиданий оказали влияние:

- многовековой традиционный уклад, для которого, наряду с крепостничеством и другими видами докапиталистического социального неравенства, были характерны развитые формы общинного жизнеустройства;
- более чем семидесятилетний опыт государственного социализма с жесткой системой централизованного планирования и распределения, гарантированным (скромным) уровнем потребления, ориентацией на социальное равенство при ограничении политической свободы;
- краткосрочный «демократический прорыв», связанный с преобразованиями второй половины 80-х годов минувшего века;
- разнородные, во многом катастрофические последствия правления либералов-фундаменталистов, поставивших перед собой цель полностью разрушить прежнюю систему и «капитализировать» общество в соответствии с образцами, утвердившимися на Западе.

Каждый из упомянутых этапов исторического прошлого нуждается в особом осмыслении.

При определении влияния традиционного уклада на общественное сознание россиян следует избегать мифологических оценок, способных серьезно исказить реальную картину. Одна из таких оценок покоится на представлении, будто историческое прошлое русского народа, многие столетия находившегося под гнетом абсолютных властителей, пережившего длительный этап крепостных отношений, не имевшего никаких традиций самоуправления, выработало у него устойчивый

менталитет, основные черты которого — терпеливость, покорность, неприязнительность, неверие в свои силы и социальная пассивность.

Другая мифологическая оценка, в значительной мере вытекающая из первой, заключается в том, что утвердившийся в стране тип взаимоотношений между «верхами» и «низами» предполагает заложенное в глубины сознания преклонение перед высшей властью, готовность беспрекословно следовать ее предначертаниям.

В действительности все это совсем не так. Вследствие противоречивости общественного сознания, исторически сложившегося в России, для него, наряду с патернализмом, характерно восприятие власти, в том числе и вполне легитимной, как силы, противостоящей и даже враждебной индивиду и обществу в целом. Аморальное самовластие нынешней бюрократии, на протяжении ряда лет выступавшей под знаменем радикального реформаторства, подняло это отчуждение на еще более высокий уровень.

Годы господства государственного социализма с его заведомо обреченными на провал попытками насильственно «осчастливить» общество привели к дискредитации в глазах значительной части россиян социалистических ценностей и самого понятия «социализм», отождествляемого населением страны с реальной практикой функционирования советской системы. Вместе с тем семь десятилетий существования этого строя в преимущественно крестьянской стране с доминированием патриархально-общинных ценностей способствовали формированию в обществе специфических представлений о предпочтительном общественном укладе, включающих в себя:

- ориентацию на высокую устойчивость сложившихся, ставших привычными условий жизни;
- повышенные социальные ожидания, связанные с деятельностью государства;
- отношение к бесплатному образованию и здравоохранению, дешевому жилью и отдыху как к неотъемлемым составляющим образа жизни;
- неприятие чересчур глубоких разрывов в условиях существования различных групп населения.

Период перестройки стимулировал высокую общественную активность граждан, помог им ощутить и осознать ценность демократических процедур и институтов, свободы мысли, информации, нелIMITированных передвижений по миру. Впоследствии многие демократические принципы и процедуры оказались скомпрометированными. Тем не менее приверженность им хотя и уменьшилась, но далеко не исчезла. Как показывают многочисленные опросы, доля россиян, которые, несмотря на недовольство теми или иными аспектами реализации демократических процедур, в принципе высказываются в пользу демократических форм правления, до сих пор превышает 50%.

В свое время, в условиях все более заметного отставания СССР от наиболее развитых стран Запада, у многих советских граждан возник

устойчивый интерес к характерной для этих стран социальной и экономической практике. Постепенно в массовом сознании сложился идеализированный образ «Запада» как некоего «острова благоденствия», где царит справедливость, бесперебойно действуют демократические механизмы, отсутствуют социальные барьеры и общедоступны высококачественные материальные блага. И все это ассоциировалось с современным капиталистическим общественным порядком. Утвердившееся в сознании большинства граждан негативное отношение к понятию «капитализм» сменилось нейтральным, а нередко и позитивным.

Отсюда та эйфория, с которой большинство населения СССР встретило идеи, исходившие из необходимости коренных общественных перемен. На первом этапе речь шла о совершенствовании социализма. Однако вскоре произошел решительный поворот в сторону капитализма.

Спустя несколько лет завышенные ожидания сменились глубоким разочарованием. В результате проводимых либералами-фундаменталистами реформ общество распалось на выигравшее меньшинство и проигравшее большинство, что привело к возрождению у заметной части граждан негативного отношения к общественному устройству, отрицающему социальные обязательства государства и отождествляемому с капитализмом. Все это наложилось на выросшие из традиционной общинно-коллективистской ориентации предпочтения, строящиеся на ценностях социальной ответственности власти и общества.

К этим предпочтениям можно относиться по-разному, но не считаться с ними при проведении политического курса практически невозможно.

Перемены, произошедшие в общественном сознании, лишили властные структуры, определявшие судьбы России в 1990-е годы, значительной доли того политического кредита, которым они обладали изначально. Сложившееся в стране положение уже мало кем воспринималось как благополучное.

Основанное на этом глубокое недовольство проявлялось в различных формах. Одни (не без оснований) видели причину происходящего в ошибочных принципах, положенных в основу новой общественной системы. Другие пребывали в убеждении, что во всех бедах виноваты воры и взяточники, засевающие во властных структурах, и стоит от них избавиться, как ситуация сразу же качественно улучшится. Третьи стали жертвой ксенофобских предрассудков, дополнительно питаемых, как и во многих странах Запада, массовым притоком иммигрантов из стран с более низким уровнем жизни.

В ряде случаев недовольство приобретало форму враждебности российской «глубинки» к столичным мегаполисам, прежде всего к Москве. Почву, на которой произрастала эта враждебность, создавали, с одной стороны, разрыв в условиях существования провинциального и столичного населения, а с другой — усиление унитарных настроений в федеральных структурах, их усилия, нацеленные на урезание прав и компетенций субъектов Федерации.

Наращение протестного потенциала выразилось как в демонстративном отстранении от политики, так и в тоске по прошлому, в готовности поддержать «сильную власть», ассоциируемую с «сильным лидером».

Все это не могло не отразиться на политическом процессе. Несогласие большинства общества с выбором, сделанным властвующей элитой, не снималось посредством гибких политических акций, а загонялось вглубь. Минимизировались возможности перевода латентных политических установок в политические действия, в том числе и в связи с выхолащиванием электорального процесса.

Немалую роль в этом плане сыграло то обстоятельство, что нынешнее российское общество глубоко сегментировано в ценностном (и не только ценностном) отношении. Среди характерных для него антиномий — «модернизация / фундаментализм», «западничество / почвенничество», «элитарность / социальность», «авторитаризм / демократия». Существуют также дополнительные «оси размежевания», отражающие разорванность сознания значительной части граждан¹⁰.

¹⁰ См. *Граждане 2005; Бюрократия 2006; Российская идентичность 2007.*

Глубокое и повсеместное недовольство общества властью тем не менее проявлялось преимущественно в пассивной форме. Причины этого еще требуют дополнительного изучения. Предварительно можно указать лишь на некоторые.

Первая причина — неприемлемость для большинства современных россиян любого рода насильственных действий, способных вызвать распад властных структур, анархию, вооруженное противостояние социальных и национальных групп. Исторический опыт, зафиксированный в общественном сознании, сформировал у населения России стойкое убеждение, что такие действия не принесут с собой решения назревших проблем, но лишь ухудшат условия существования. Поэтому до тех пор, пока власти не переходят границы, за которыми терпеть уже физически невозможно, основная масса граждан — вне зависимости от ее отношения к правящим политическим силам — не выйдет за конституционное поле.

Вторая — отчуждение между верхами и низами. В сознании большинства российских граждан укоренилось представление, что верхи ни при каких обстоятельствах не будут считаться с интересами населения, а потому никакие усилия с его стороны не принесут позитивных результатов.

Исходя из внешних показателей, отношение большинства наших соотечественников к политическим институтам и режиму в целом можно было бы определить как отчужденно-пассивное. Однако такая однозначная оценка представляется неверной. В обществе накопился потенциал не только социального недовольства, но и скрытой гражданской активности, долгое время не получавшей адекватного выхода. В силу этого политическая и гражданская отстраненность, о которой так много пишут в специальной литературе, носит неустойчивый характер. Небольшие колебания социально-экономической или политической ситуации могут мгновенно преобразовать эту отстраненность в активизм, в том числе и принимающий самые радикальные формы.

Вместе с тем следует учитывать, что само по себе недоверие к власти не рождает общественной активности. Первоначально наступает индивидуальное отчуждение от политики. Потом начинает нарастать социальное раздражение, сопровождаемое унынием, предчувствием близящейся катастрофы. Отсюда тенденция к уходу от реальности: массовое пьянство, наркомания и т.д. При этом нередко имеет место замещение объекта недовольства. Социальное раздражение сублимируется в повышенную агрессивность, направленную не столько на властные структуры, сколько на искусственно сконструированный образ «врага». Затем происходит всеобщее откровенно враждебное отчуждение от власти, при котором большинство граждан со злорадством следят за ее конвульсиями.

Чтобы эта эскалация общественного недовольства вылилась в более или менее осознанные проявления протеста и активные действия, необходим не только высокий уровень общей социальной напряженности, но и глубокая личная идентификация людей со своими социальными общностями.

Пока, судя по всему, социальное недовольство еще не приблизилось к критическому уровню. Отсутствует и четко выраженная идентификационная кристаллизация общества. Социальное недовольство и даже напряженность обычно носят локальный характер, тем более что материальные лишения и задавленность житейскими заботами порождают усталость, отвлекают душевные и физические силы на адаптацию к нелегкой экономической ситуации. Но при всем том грядущая дестабилизация общественных порядков остается в пределах возможного.

С приходом на рубеже веков к управлению государством новой команды падение политического кредита, которым располагала власть, прекратилось. Верхи получили новый кредит, который, похоже, пока сохранили.

В то же время, сколь бы парадоксальным это ни казалось, наличие такого кредита вовсе не привело к размыванию глубокого недоверия к власти, являющегося во многом традиционным, но вместе с тем существенно усилившегося под влиянием «беспредела» 1990-х годов.

Установки, определяющие специфику доминирующего сегодня массового сознания, по-прежнему стоят на представлениях о том, что:

- действующая в стране политическая система отражает интересы лишь богатой части общества, игнорируя потребности и запросы менее зажиточного большинства, и, следовательно, любые исходящие от нее импульсы сулят этому большинству главным образом потери;
- крупная собственность, появившаяся в стране в 90-е годы прошлого века (и попавшая прежде всего в руки так называемых олигархов), есть результат махинаций, нанесших неисчислимый урон обществу и государству;
- в сложившихся условиях едва ли приходится надеяться на создание (или хотя бы частичное восстановление) в стране такой системы

- социальных амортизаторов, которая бы гарантировала каждому члену общества в качестве компенсации за его трудовой вклад в общее дело приемлемые условия существования на всех этапах жизни;
- шансы простого гражданина на вертикальную социальную мобильность, какие бы усилия он ни прилагал, при нынешних обстоятельствах минимальны и речь может идти лишь о выживании;
 - в обществе, в основе которого лежит совокупность правонарушений, право не может быть регулятором взаимоотношений между гражданами, и потому с ним незачем считаться.

Можно ли в подобной ситуации рассчитывать, что властные структуры сумеют убедить граждан в реальности построения в сравнительно небольшие сроки если не идеального, то, по меньшей мере, благополучного общества, которое на это раз предлагается именовать «инновационным», и поднять их на активное участие в его созидании? Разумеется, полностью отрицать возможность такого развития событий нельзя. История знает множество самых неожиданных поворотов. Не исключено, что, несмотря на серьезные трудности, нынешней власти удастся, пользуясь сохранившимся у нее политическим кредитом, повернуть штурвал в новом направлении. Для этого, однако, нужно не только выбрать правильное направление, но и подкрепить этот выбор делами.

Общественным доверием власть сможет заручиться лишь в том случае, если гражданам будет представлено убедительное свидетельство ее готовности, решительно порвав с проводимым ранее курсом, качественно изменить вектор политики. Таким свидетельством обычно служат институциональные изменения, открывающие перед обществом большие, чем прежде, возможности для влияния на политические решения, и достаточно радикальные кадровые перемены, предполагающие выдвижение на ключевые государственные позиции лиц, обладающих безусловным общественным авторитетом.

Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты рядовыми гражданами как подтверждение искренней заботы об их благе. Население согласится взвалить на себя тяготы, неизбежные при действительном повороте к инновационному развитию, только при условии, что они будут распределяться более или менее равномерно.

* * *

Проведенный выше анализ указывает на необходимость иной постановки стратегических приоритетов, нежели та, которая вырисовывается на основании заявлений, сделанных в последнее время, в том числе на самом высоком уровне. Переход к инновационному развитию дело, безусловно, важное. Не встав на этот путь, Россия неминуемо окажется в арьергарде стран, претендующих на заметное место в современном мире.

Вместе с тем такой переход потребует не кавалерийской атаки, но хорошо подготовленной осады противостоящих укреплений. Следует предварительно обезвредить минное поле, которое образуют многочисленные проблемы, как старые, доставшиеся в наследство от пошлого, так и новые, неизбежно возникающие в ходе поступательного движения. Не менее важно своевременно создать предпосылки такого движения, прежде всего социальные и политические институты, которые бы обеспечили конечный успех предпринимаемых усилий. Без этого инновационное развитие никогда не переместится из виртуального пространства в реальное.

Библиография

- Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов.** 2006. — М.
- Васильев Ю.П.** 2005. *Развитие инновационной деятельности в США, или Как удвоить ВВП.* — М.
- Гальперин С.Б., Кеневич Е.С.** 2007. *Организация управления инновационным развитием в корпоративной структуре.* — М.
- Гаман-Голутвина О.В.** 2006. *Политические элиты России. Вехи исторической эволюции.* — М.
- Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998—2004).** 2005. — М.
- Гурков И.Б.** 2003. *Инновационное развитие и конкурентоспособность. Очерки развития российских предприятий.* — М.
- Друкер П.Ф.** 2007. *Бизнес и инновации.* — М.
- Крыштановская О.В.** 2005. *Анатомия российской элиты.* — М.
- О России с надеждой и тревогой.** 2008. — СПб.
- Послание Президента России Федеральному собранию.** 2007. (<http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>).
- Российская идентичность в социологическом измерении.** 2007. — М.
- Серебрянников П.** 2007. *Мировой опыт инновационного развития* (<http://www.prompolit.ru/files/225024/innov.review.doc.997>).
- Соколов А.В.** 2007. Форсайт: взгляд в будущее // *Форсайт.* № 1.
- Такер Р.Б.** 2006. *Инновации как формула роста. Новое будущее ведущих компаний.* — М.
- Трифилова А.А.** 2003. *Управление инновационным развитием.* — М.
- Фоломьев А.Н.** (ред.) 2005. *Инновационный тип развития экономики России.* — М.
- Циренщиков В.** 2007. *Инновационное развитие Европы // Россия в многообразии цивилизаций.* Ч. 2. — М.
- Шпорт В.И.** *Правовое обеспечение инновационного развития* (http://www.dvforum.ru/doklads/ks6_Sport.asrx).